

ДЖУШИ ДЮВЕР

НЕВЕСТА
ПЕПЛА

18+

Джули Дювер
Невеста пепла

«Автор»

2026

Джули Дювер

Невеста пепла / Джули Дювер — «Автор», 2026

Я должна сгореть, чтобы выжить. Жених сжёг мою мать, чтобы получить её силу. Пятнадцать лет он ждал, чтобы забрать мой огонь. Тот, кто поклялся защищать, видит во мне лишь оружие. Я последняя в роду Огнеслав, последняя, в чьей крови спит огонь. Мой дар не благословение, а проклятие. Пламя, что течёт в крови, убьёт меня, если я не разделю его с женщиной. Но древний огонь Симаргла не терпит предательства и знает цену любви. Скоро огонь прорвётся. Мне придётся выбрать того, кто не побоится сгореть. Иначе пламя, что течёт в моей крови, убьёт нас всех.

© Джули Дювер, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	22

Джули Дювер

Невеста пепла

Глава 1

Глава 1

Пролог

Пятнадцать лет назад.

Портьера пахла нафталином и мамиными духами. Сладкий, с горчинкой запах тянул за ребра.

Я зажимала рот рукой. Ладонка липла от леденца, который мать сунула перед тем, как уйти к этим людям. Я вспомнила, как её сухие, прохладные пальцы коснулись моей щеки и сжались на секунду дольше, чем нужно для простого «сиди тихо». Велела сидеть тихонечко и не высовываться. Я так и сидела тихо-тихо. Я ведь хорошая.

Ножки затекли стоять на каменном полу. Холод поднимался от плит, пробирался под платье, сводил икры тупой болью. Я переминалась с ноги на ногу. Тихо, чтобы не скрипнули туфельки. Хотелось пойти попить, но нельзя, мама же рассердилась бы.

В щель между портьерой и стеной виднелся зал.

Много мужчин в тяжелых шубах. Свечи горели неровно, пламя дергалось от дыхания толпы. В центре, в каменном круге, стояла мать. Белое платье волочилось по грязному полу. Ткань собралась в серые разводы, намокла.

Князь сидел на резном кресле у стены. Соболья шапка в руках, золотая гривна на шее тяжело блестела в свете свечей. Лицо усталое, жесткое. Командирское.

— Начинать, — велел коротко. — Время не ждет. Враг у Спорных земель.

Великий Волхв поклонился. Рядом с ним стоял старый боярин, отец Олега. Лицо серое, руки трясутся мелкой дрожью.

— Княже, — голос у боярина сел. — Позволь слово молвить. Перед обрядом.

Князь кивнул.

Боярин шагнул к матери. Остановился в двух шагах, не ближе. Низко поклонился, в пояс.

— Дария, я... — он запнулся, сглотнул. — Тридцать пять лет назад я струсил. Должен был принять огонь твоей тетки. И не принял. Она сгорела из-за меня. Моей трусости.

Толпа бояр за стеной затихла. Кто-то ахнул.

— Я носил этот позор всю жизнь, — продолжил боярин. Голос дрожал, но он держался. — Сын мой носит. Проклятие на нас легло. Медведями не оборачиваемся, силу предков потеряли. Род хиреет. Земли сохнут. Дети рождаются слабыми.

Он поднял голову, посмотрел матери в глаза. Кадык дёрнулся, туда-сюда.

— Я не прошу прощения. Мне его нет. Но сегодня мой сын примет огонь. Не отступит. Я заставлю. Я, я умру, но он примет.

Мать молчала. Смотрела на него спокойно, без злости.

— Твой сын тогда был ребенком, — сказала тихо. — Пять лет назад. Я ждала. Он не пришел.

— Он был ребенком, — эхом отозвался боярин. — Сейчас — мужчина. И воин.

Олег стоял у колонны. Бледный до синевы, руки сжаты в кулаки, костяшки белые. Смотрел на мать и не моргал. Будто боялся, что моргнет, и она исчезнет.

— Во мне нет огня, — сказала мать. — Никогда не было. Ни в двадцать лет, ни сейчас. Я пустая.

Великий Волхв покачал головой:

— Кровь не врет, Дария. Ты последняя в роду Огнеслав. Дар спит в тебе. Глубоко. Но он есть.

— Я бы чувствовала.

— Не всегда. Иногда дар хоронится, если знает, что небезопасно. Твоя мать прятала тебя, берегла. Может, и дар приучила скрываться.

Мать молчала. Неосознанно провела ладонью по животу, будто пыталась нащупать то, чего не ощущала. Пальцы сжали складку платья, смяли, отпустили.

Князь поднялся с кресла. Подошел к матери. Близко, властно остановился рядом.

— Дария. Я не торгуюсь и не прошу. Я приказываю. Война на пороге. Княжество кровью истекает. Спорные земли горят. Нам нужна сила твоего рода. — Голос жесткий, как лезвие. — Если в тебе есть искра, она будет разбужена. Если нет, то мы уйдем. Но попытаться обязаны. Это не мой каприз. Это выживание.

Мать подняла на него глаза.

— А если я сгорю?

Князь помолчал. Сжал соболью шапку в руке, и мех хрустнул.

— Тогда твоя дочь останется сиротой. Я позабочусь о ней. Дам кров, еду, защиту. До совершеннолетия. И дальше, если она захочет. Слово князя.

Мать смотрела долго. Потом перевела взгляд на Олега.

— Ты примешь? — спросила тихо. — Не отступишь?

Олег шагнул вперед, выходя из тени колонны. Встал так, чтобы она видела его лицо.

— Приму, — сказал твердо. — Клянусь кровью. Клянусь родом. Клянусь медведем, который во мне спит. Я не отступлю. Ни перед огнем, ни перед смертью. Я приму твой дар.

Мать кивнула.

— Делайте, что должно.

Великий Волхв поднял руки. В них появился мамин золотой гребень, тот самый, которым она расчесывала меня по утрам.

— Кровь к крови, — заговорил волхв нараспев. — Род к роду. Огонь Симаргла спит в земле, в камне, в воде и в крови. Пробудись, искра древняя. Выйди на свет. Отзовись на зов крови.

Он провел гребнем по маминым волосам. Раз. Другой. Ничего. Мать стояла неподвижно.

— Я же говорила, — прошептала она.

— Тише. — Волхв провел снова. — Третий раз.

Воздух вокруг матери дрогнул. Чуть-чуть. Самую малость.

— Есть, — выдохнул волхв. — Искра есть. Спит глубоко. Но есть.

Князь подошел ближе. Положил руку на плечо Олегу.

— Готовься, парень. Сейчас твой час.

Отец Олега стоял в стороне, вцепившись в посох так, что пальцы побелели. Губы шевелились без звука. Может, молился, может, проклинал себя.

Великий Волхв провел гребнем еще раз. Заговорил громче:

— Огонь Симаргла, что в небе горел, что на землю упал, что в крови затарился. Проснись! Кровью предков заклинаю, кровью рода призываю, кровью князя утверждаю!

Он полоснул себя по ладони ножом. Брызнула кровь, упала на каменный круг. Капли впитались в серый камень медленно, как в сухую землю. Князь шагнул вперед, протянул руку. Волхв мазнул ножом по его ладони. Князь даже не дрогнул. Кровь закапала на камни рядом с кровью волхва.

— Кровь власти! — возгласил волхв. — Кровь правды! Кровь княжеская, что за землю отвечает!

Он повернулся к Олегу:

— Твоя очередь, парень. Кровь рода, что принять должна.

Олег без страха протянул руку. Волхв полоснул. Олег не вздрогнул, только зубы сжал. Желваки прокатились под кожей. Кровь закапала на камни, смешиваясь с кровью князя и волхва.

— Три крови воедино! — голос волхва взлетел под своды. — Власть, род и вера! Огонь, отзовись!

Он резко, сильно провел гребнем по маминым волосам в последний раз. Мать вскрикнула. И замерла. По венам на ее руках побежал свет. Не золотой, а белый, как молоко на солнце. Сначала тонкими нитями, потом шире, ярче. Свет пульсировал, разгорался, кожа становилась прозрачной. Стало видно, как огонь течет под ней, ищет выход, рвется наружу.

— Принимай! — крикнул волхв Олегу. — Руки вперед! Держи! Как только огонь прорвется, забирай половину!

Олег шагнул к матери. Встал вплотную. Ладонями вверх протянул руки, прямо к ее груди, туда, где свет горел ярче всего.

— Я здесь, — сказал тихо. — Я приму. Давай.

Мать смотрела на него. Свет разгорался все сильнее, ярче, невыносимее.

— Давай, — повторил Олег. — Я держу. Я не уйду.

Огонь под кожей матери заметался. Он рвался наружу. К его рукам, к его ладоням, к его готовой принять крови. Но не шёл. Олег стоял, протянув руки. Свет бил из матери, жег ему лицо, руки, грудь. Одежда начала тлеть. Запахло паленой шерстью. Волосы на висках затрепали, скручиваясь в чёрные колечки. Он не отступал.

— Приди! — закричал он. — Я здесь! Я приму! Приди!

Огонь заметался сильнее. Он бился изнутри о кожу матери, искал выход, но не находил. С каждым ударом он становился ярче, горячее, отчаяннее. Мать закричала. Крик пошел высокий, тонкий, переходящий в хрип. Олег рванулся к ней, обхватил руками, прижал, пытаясь принять огонь через касание, через кожу, через кровь.

— Иди ко мне! — орал он. — Иди!

Огонь жег его. Прожигал рубашку, кожу, мясо. Волдыри вспухали на предплечьях, лопались, из них сочилась влага. Олег шипел от боли, но не отпускал. Держал. Сладковатый, тошнотворный запах горелой плоти ударил в ноздри. Он её не отпускал. Я видела его красные руки. Они вжимали маму в него так сильно, будто он хотел забрать её внутрь себя. Мне стало страшно. Он смотрел на маму не как на человека, а как на вещь. Как на огонь, который должен быть его. Я не знала таких слов тогда, сейчас понимаю. Но животу тогда холодно. Так холодно, будто я проглотила лёд. А огонь не шел.

Он не мог прорваться наружу. Время ушло. Пять лет назад, когда матери было двадцать, дар должен был проснуться, но не проснулся. Он умер тогда, внутри нее. А сейчас его пытались воскресить, и тело матери стало могилой, из которой огонь не мог выйти.

— Не могу, — прохрипел Олег. — Не идёт. Почему не идет?!

Великий Волхв побелел:

— Время упущено! Пять лет назад нужно было! Сейчас огонь замкнется внутри!

— Нет! — Олег тряс мать за плечи. — Давай! Иди ко мне! Иди!

Мать смотрела на него. В ее глазах не было боли. Только усталость. И странный покой.

— Ты хороший, — прошептала она. — Ты правда хотел. Я вижу.

— Я не хотел! — выкрикнул Олег. Слезы текли по обожженным щекам, попадали в трещины на губах. — Я хочу! Я сейчас хочу! Прими меня! Дай мне принять!

— Не могу, — голос матери слабел. — Огонь не идет, потому что ты хочешь владеть, а надо гореть.

Свет под кожей пульсировал. Раз, другой, третий. Быстрее. Еще быстрее. Грудная клетка матери ходила ходуном. Ребра проступали сквозь платье, как у загнанной птицы. Олег прижимал ее к себе, плакал, орал, тряс. Все бесполезно. Огонь жег его, калечил, убивал, но не переходил. Не мог.

— Сгореть? — повторил Олег. — Что значит сгореть? Я не хочу гореть! Я хочу владеть огнем! Я имею право! По крови имею! По заручинам!

Мать покачала головой.

— Не владеть, гореть. Вместе. — Шепот совсем тихий. Из уголка губ потекла розовая от лопнувших сосудов слюна. — Один огонь на двоих, тогда не соришь...

— Я не понимаю! — закричал Олег. — Я не понимаю, что ты говоришь!

— Поймёшь, когда придёт твоя... — мать повернула голову. Посмотрела на портьеру. На меня.

Я видела её лицо крупно, как в окне. Ресницы слиплись от пота. На верхней губе алела капелька крови. И глаза. Они были не белые, не красные, а золотые. Как тот свет, что тёк по её венам.

— Мама, — прошептала я.

Она улыбнулась.

— Не бойся. Огонь Симаргла, он один на двоих.

Я зажмурилась. Тишина. Потом звук — ш-ш-ш-ш-ш — и сразу хлоп. Короткий, как лопнувший бычий пузырь.

Я открыла глаза. Мать стояла в руках у Олега. Целая. Свет погас. Она повернулась ко мне. И рассыпалась.

Пепел оседал на камни медленно, нехотя, пылью, в которую превратилось белое платье, руки, лицо, улыбка. Она падала на Олега, покрывала его с головы до ног. Серая взвесь стояла в воздухе, оседала на свечах, на шубах бояр, на золотой гривне князя.

Олег упал на колени. Руки все еще держали пустоту, в которой только что было ее тело. Он смотрел на пепел на своих ладонях.

— Не принял, — голос Великого Волхва был мертвым. — Время ушло. Огонь не смог прорваться наружу. Сгорела.

Тишина в зале стояла такая, что уши закладывало. Свечи перестали дёргаться. Пламя вытянулось в ровные столбики, будто воздух умер. Князь поднялся с кресла. Подошел к пеплу, остановился в шаге. Снял шапку.

— Упокой душу ее, Симаргл, — сказал негромко. — Прими огонь, что не нашел выхода. Помолчал. Повернулся к волхву:

— Где девочка?

Волхв указал на портьеру:

— Там. Пряталась все время.

Князь шагнул ко мне. Я зажмурилась, вжалась в стену. Камень охлаждал спину даже сквозь платье.

— Выходи, — голос не злой. Усталый. — Не трону.

Я не двигалась. Князь дернул портьеру сам. Кольца взвизгнули по карнизу. Я стояла перед ним, совсем маленькая, в мокрых штанишках, с трясущимися губами. В руке все еще зажат леденец, он растаял и липкий сок испачкал всю ладонь. По ногам потекло сначала теплое, а потом сразу холодное. Князь смотрел долго. Потом обернулся к старому боярину:

— Забирай. Вырастишь. Через пятнадцать лет она понадобится твоему роду.

Боярин шагнул вперед. Лицо серое, руки трясутся. Протянул ко мне ладонь.

— Пойдем, девочка.

— Не отдам!

Голос ударил со стороны дверей. Резкий, женский, с хрипотцой. Бабушка. Она вошла в зал, такая маленькая, сухонькая, в темном платке. Шла быстро, не глядя на расступающихся бояр. Каблуки выстукивали по камню, цок-цок-цок, как гвозди забивали. Подошла ко мне, заслонила спиной.

— Не отдам, — повторила. — Княже, слово молвить дозволю.

Князь нахмурился, но кивнул. Бабушка выпрямилась. Плечи развернула, подбородок задрала, и из маленькой старухи вдруг стала выше на голову. Голос зазвенел:

— Тридцать пять лет назад моя старшая сестра сгорела. Из-за его подлости. — Она ткнула пальцем в отца Олега. Тот побелел еще сильнее, но промолчал. — Она была первородной кровью. Главной ветвью. Истинной Огнеславой. Когда она сгорела, то огонь ушел. Потому что некому было принять.

Бабушка перевела дух. Грудь ходила ходуном под темным платком.

— Моя дочь — из младшей ветви, не огненной, из запасной. В ней огонь спал, потому что должен был спать. Потому что настоящий огонь сгорел тридцать пять лет назад. А то, что вы пытались разбудить сегодня, это даже не искра была. Тень искры. Отблеск.

Великий Волхв слушал, не перебивая. Лицо задумчивое.

— Если её забрать в чужой род, — продолжала бабушка, — если растить под рукой тех, кто погубил нашу кровь, то огонь никогда не проснётся. Он спрячется так глубоко, что и тень его не найдёте.

Она повернулась к князю:

— Княже. Оставь девочку мне. Я выращу ее в нашем роду. Когда придет срок, через пятнадцать лет, она сама сделает выбор. Примет огонь или нет. Но если его будут пытаться вырвать силой, как сегодня, то он сгорит, даже не родившись. И род Огнеслав прервется навсегда.

Князь молчал долго. Смотрел на меня. На бабушку. На пепел матери, все еще лежащий на камнях. Ветер от дверей качнул серую пыль, и она поплыла над полом, закрутилась маленькими вихрями. Потом кивнул.

— Будь по-твоему.

Отец Олега дернулся:

— Княже! Заручины! Род должен.

— Заручины твой род нарушил тридцать пять лет назад, — оборвал князь. — Не тебе о них напоминать.

Боярин заткнулся. Зубы клацнули, так резко он захлопнул рот. Князь шагнул к волхву, взял из его рук золотой гребень. Мамин гребень, еще теплый, еще хранящий запах ее волос. Протянул бабушке.

— Передашь, когда придет срок. Пусть огонь сам решит, кому гореть.

Бабушка приняла гребень. Поклонилась низко.

— Спасибо, княже.

Она взяла меня за руку. Пальцы у нее были сухие, горячие, как птичья лапка. Повела к выходу. У дверей я обернулась.

Олег все еще сидел на коленях в пепле матери. Смотрел на свои обожженные руки. Он перебирал ими воздух. Медленно, беззвучно, будто учил пальцы новому языку. В груди ёкнуло, не в сердце, глубже, там, где рёбра сходятся, где боль не должна жить. Но она тлела. По лицу Олега текли слезы. Капли пробивали дорожки в серой пыли, осевшей на щеках. А потом он поднял голову. Посмотрел на меня. И в этом взгляде не было горя. Не было жалости. Ни ко мне, ни к себе. Было совсем другое. Холодное. Тяжелое. Как дверной засов, который задвигают изнутри.

Сейчас, спустя пятнадцать лет, я знаю, что это. Он запоминал. Он считал. Он уже знал, что я буду принадлежать ему. По праву. По крови. По заручинам. Но тогда, в пять лет, я не

понимала этого. Я просто почувствовала холод. Он шёл от его глаз, такой лютый мороз, что заболел живот.

Я отвернулась и прижалась к бабушкиной руке. Уткнулась носом в жесткую шерсть платка, которая пахла дымом и сухой полынью. Полынь. Горькая. Пахла так же, как пепел матери, когда он осел у меня на губах и я попробовала его языком, сама не зная зачем. Горький. Сухой. Как этот день.

...Я открыла глаза.

Потолок. Знакомый, с трещиной в углу. Серое пятно сырости расплзлось от угла к центру за зиму. Своя комната. Своя кровать. Простыня была мокрая. Подушка мокрая. Ткань липла к шее, к спине, к сгибам коленей. Пот медленно стекал по позвоночнику. Холодно, как чужой палец. Глухо ныло между лопатками, тяжело, как будто там, под кожей, лежал камень, который ворочался всю ночь и никак не мог улечься.

Сердце билось в горле, и я чувствовала вкус. Железо. Пепел. Страх. Вкус пепла все ещё лежал на языке, горький, сухой, и не сглатывался. Сухой, шершавый язык прилип к нёбу. Руки тряслись. Пальцы мелко дрожали, не слушались.

За окном ещё темно. Но край неба уже серел. Я смотрела на этот блеклый свет и думала. Он сейчас тоже спит? Ему снятся мои сны?

Я села. Свесила ноги с кровати. Половицы под босыми ступнями казались не просто прохладными, а студёными, как камень в тени. Подошвы прилипли к дереву. Одна доска знакомо скрипнула, всегда в одном и том же месте. Она скрипела здесь всю мою жизнь. Как и страх. Рядом с кроватью, на стуле, лежал золотой гребень. Бабушка положила его туда пятнадцать лет назад, в первый же вечер. Сказала:

— Пусть рядом спит. Может, огонь услышит, что дома.

Я протянула руку. Провела пальцем по зубцам. Холодный. Всегда холодный. Но сегодня он обжёт. Не жаром, опять лишь холодом. Как приговор. Металл не помнил маминых рук. Или помнил, но не хотел отдавать тепло. Никому. Двадцать лет мне через месяц.

Если не выпустить огонь, то останусь больной навсегда. Род прервется. Болезнь уже близко. По утрам немеют кончики пальцев, а иногда в груди замирает, будто сердце забывает, как биться дальше. Если отпустить, то чужой род должен забрать половину огня. Иначе сгорю, как мать.

Мать сказала, что истинный не тот, кто владеет, а тот, кто горит с тобой. Олег не сгорел. Он выжил. Он остался. Шрамы от ожогов стянули ему руки, но он остался. Значит, он, возможно, не истинный, но он так не считал.

Я сидела на кровати. Тяжелый, равнодушный гребень лежал на ладони. Я вспомнила, как мать расчесывала мои волосы этим гребнем. Медленно, от корней к концам, приговаривая: «Пусть огонь в тебе спит, но не мерзнет». Я не понимала тогда, о чём она. Понимаю сейчас. Слишком поздно. За окном медленно наливался светом край неба. Далеко, у реки, прокричала первая птица. В дверь постучали.

— Барышня Агнесия! Просыпайтесь! Там от боярина Олега Беренского человек приехал. Дары привёз. С самого рассвета дожидается.

Голос служанки такой отвратительно бодрый. Не знающий про пепел во рту, про взгляд, который запомнил меня пятнадцать лет, про приговор, который ждал рассвета. Я не ответила. Смотрела на дверь, на старую, медную, с зелеными пятнами задвижку. Задвинута. Задвинута. Но ненадолго.

Пятнадцать лет он ждал. Пятнадцать лет он помнил пепел матери на своих руках и мое лицо в проеме дверей. И все эти годы он скорее думал не о том, как она сгорела. А о том, что

он имел право на ее огонь. И не получил. И теперь я последняя. Последняя, кто может дать ему это право. Или отказать.

Я положила гребень обратно на стул. Поднялась. Мокрая простыня сбилась на кровати, скрутилась жгутом. Я уловила запах, когда шевельнулась. Свой. Ночной. Пот, страх и ещё то, чему нет названия. Так пахнет клетка, когда зверь знает: сегодня его выпустят.

Рассвет уже тронул край неба. Свет розовый, потом золотой, потом белый. Ветка яблони за окном качнулась от первого ветра, стукнула мокрой листвой по стеклу. Мокрой. Ночью был дождь. Я не слышала. Сон забирал всё, даже дождь.

Я стояла посреди комнаты. Руки перестали дрожать. В груди сжался то ли страх, то ли другое. Как будто там, под рёбрами, разжался чужой кулак. Медленно. Нехотя. Пора.

— Барышня Агнесия! — снова позвали из-за двери.

Я подошла, положила ладонь на задвижку. Медь стала тёплой, нагреваясь от моей ладони. Пора. Я отодвинула засов.

Глава 2

Глава 2

Я знала, что сегодня случится беда. Знала с того момента, как проснулась и не услышала пения птиц за окном. Запах сырой земли и увядающих лепестков, такой тяжелый, сладковатый, с гнильцой вползал в ноздри, оставался на языке. Будто каждый лепесток дышал умиранием. Так пахнут цветы, которые перестояли в воде дольше нужного.

Я разбирала корзину с поздними астрами. Княжеский двор заказывал букеты к осеннему празднику, и заказов набежало столько, что руки не успевали. Стебли скользили в пальцах, оставляя зеленые полосы на белом. Мои пальцы, обмотанные бинтами, путались в стеблях, но я привыкла. За пять лет в своей лавке научилась работать не глядя. Руки помнили каждое движение. Обрезать шип, убрать нижний лист, подровнять стебель под угол.

Грудь медленно и вязко сдавило, как если бы невидимая ладонь обхватила сердце и начала сжимать, не спеша, со знанием дела. Я оперлась о стол, переждала. Острый, неструганный край столешницы привычно врезался в ладонь. Дар напоминал о себе каждый день. То нехваткой воздуха, то паникой, то снами, где мать звала за собой. В такие минуты мир сужался до точки. Только вдох, только выдох, только пальцы, вцепившиеся в дерево. Я переключила внимание на край столешницы под пальцами. Шершавый, в занозах, единственное, что держало на земле.

Сегодняшняя ночь показалась особенно тяжелой. Сухой, редкий вкус пепла всё ещё стоял в горле и не сглатывался.

— Барышня Агнесия! — густой, грудной голос Агафьи донёсся из подсобки. Она всегда говорила так, будто командовала ротой. — Там к вам! Из княжьей канцелярии!

Я обернулась. Поворот вышел резким и шея хрустнула. Позвонки сухо щёлкнули, отчётливо, как ветки под ногой. Молодой парень в кафтане с княжеским гербом стоял в дверях и переминался с ноги на ногу. Его сапоги оставляли мокрые следы на половицах. Синий свиток мял в руках. Его взгляд скользнул по лицу, задержался на груди, и он сразу отвел глаза.

— Боярышня Агнесия Явижская?

— Да. — Голос сел, и пришлось прочистить горло.

Посыльный протянул пергамент, и его щеки полыхнули румянцем. Синяя и красная печать. Княжья. Жирный, нетронутый сургуч блестел в сером утреннем свете. Я смотрела, как красная печать нехотя перетекала в синюю. Свет от окна падал на сургуч, и в этом свете печать казалась каплей крови. Застывшей. Готовой пролиться. Я не брала. Руки приросли к столу. Не бери. Если не возмёшь, то ничего дурного не случится.

— Берите, боярышня. Мне ответ нужен.

Парень переступил с ноги на ногу, и сапоги противно скрипнули. Щёки его всё ещё горели. Моя рука отделилась от столешницы сама. Пальцы обхватили свиток. Пергамент был тёплым, нагретым от чужой ладони. Взяла. Сломала печать и сургуч хрустнул, крошки посыпались на пол. Начала читать. «Четырнадцать дней». Буквы плыли. Чернила расплзались перед глазами. Строчки двоились, троились, ломались.

«...род Беренских... боярин Олег Всеславич... требует исполнения заручин... брачный договор пятидесятилетней давности... срок ответа — четырнадцать дней...»

Четырнадцать дней. Цифра ударила под дых. В живот, туда, где страх живёт без слов. Черная, жирная, с кляксой на конце цифра впиалась в глаза. — Баярышня? Дурно вам? Парень подался вперед. Сапоги долго, протяжно, как стон, скрипнули и вернули душу в гостиную.

— Нет.

Я выпрямилась. Плечи развела. Подбородок запрокинула вверх. В носу защипало. Я сильно, до скрипа сжала зубы. Вздохнула. Разжала. Сглотнула ком, который подкатил к горлу. Не сейчас, не при нём. Никогда.

Подошла к столу, поставила подпись. Перо резко царапнуло по пергаменту. Один взмах, и всё. Ровно, деловито, как подписывала счета за цветы.

— Все?

— Все.

Колокольчик над дверью звякнул. Потом еще раз, уже слабее, затухая. Посыльный ушел, а я всё ещё чуяла его плотоядный взгляд. Между вторым и третьим ударом сердца ждала третьего звяка. Его не случилось. Тяжёлая, с привкусом железа вернулась тишина. Я стояла и слушала, как затихает звон. Три удара сердца. Пять. Десять.

Застыла посреди лавки. Астры, хризантемы, запах осени. Лиловый, скрученный по краям лепесток астры оторвался и упал на пол. Медленно, кружась, будто не хотел касаться земли. Я следила за ним и думала. Это я. Это я сейчас. Потом глянула на свои руки. Бинты в зеленых разводах, а под ними спрятаны старые отметины шипов. Тонкие полоски шрамов белели на сгибах пальцев, как нити, как следы, которые никто не видел, но которые ныли перед дождём. Сейчас они ныли.

Четырнадцать дней. А потом месяц до пробуждение дара. Месяц, чтобы найти выход. Или сгореть.

Тишина в лавке стояла густая, вязкая. Холодный, неподвижный воздух не двигался, будто лавка выдохнула и забыла вдохнуть снова. Только муха билась в окно, жужжа надсадно, с перерывами. Рвалась наружу, не понимая, что между ней и свободой есть прозрачная стена. Я смотрела на неё и не могла отвести взгляд. Стена. Как и мои четырнадцать дней.

— Чего хотел? — Агафья высунулась из подсобки, держа в руках горшок с землёй. Передник измазан и под ногтями чернело.

— Заручины вспомнили. Берские.

Она присвистнула сквозь щербину в переднем зубе.

— Богатый род. Сильный. Радоваться надо.

Я посмотрела на нее. Долго. Не мигая. Радоваться. Тому, кто стоял в пепле моей матери и считал годы до моего совершеннолетия. Тому, чей взгляд я чувствовала на себе, даже сквозь стены, даже сквозь сны последние пятнадцать лет. Тяжёлый. Холодный. С приговором.

— Нечему, — сказала тихо. Голос не дрогнул. Я специально сцепила зубы, чтобы не дрогнул.

Потом поймала себя на мысли, которая тут же обожгла стыдом. А что, если согласиться? Что, если Олег не чудовище? Что, если я смогу. Мысль оборвалась, потому что в ней пряталась правда. Та, от которой тошнило. Я хотела, чтобы он решил всё за меня. Хотела перестать выбирать и просто плыть по течению. Неужели хотела стать его женой. В горле встал горячий ком, и я сглотнула его вместе с этой мыслью. Агафья недолго выдерживала мой взгляд, потом отвела глаза. Поняла. Она всегда понимала больше, чем говорила, молча пожала плечами и скрылась. Горшок стукнул о столешницу, земля мелко и сухо, как пепел, посыпалась на пол. Как тогда.

Я поднялась по лестнице. Старые ступени всегда скрипели, особенно громко пятая снизу. Я наступала на неё по привычке и каждый раз вздрагивала. Скрип тонкий, как затянувшийся крик, входил под кожу. Князь сдержал слово. Дом был наш. От бабушки остался запах лаванды в сундуках и вечно скрипящая пятая ступень. Под ней, в лавке, пахло мокрой землёй и срезанными стеблями. А наверху, в моей комнате с трещиной на потолке, пахло только мной и пеплом из снов. Своё.

Заперла дверь, и засов вошел в паз с глухим стуком. Металл лязгнул, вставая на место. Я привычно проверила дважды. Дёрнула засов туда-обратно. Закрыто. Прислонилась спиной. Между лопатками зануло — тягучая, знакомая боль, какая живёт в костях, когда слишком

долго держишь страх в себе. Но сейчас она пришла без причины. Или причина в князем свитке, который лежал на столе внизу. Дерево было холодным даже сквозь платье.

Четырнадцать дней.

Подошла к сундуку. Откинула крышку. Давно не смазанные петли вскрикнули. Резкий, как заусенец, который не можешь оторвать, визг резанул по ушам. Бабушкины платки, старые письма, грамоты. Пахло лавандой и пылью. И ещё сухим, ломким, тем, что не назвать, потому что язык не знает слов для запаха прожитых лет. В углу, под идолом Симаргла, висела засушенная ветка полыни. Бабушка повесила её в тот день, когда мы пришли сюда. Сказала: «От пепла». Я не спрашивала, от какого. Порылась в сундуке и нашла пожелтевший пергамент старых Заручин. Развернула. Края в бурой кайме, то ли от времени, то ли от сырости. Пергамент сухо хрустел под пальцами, как осенний лист. Я перечитала. Раз. Другой. Третий.

«...в случае неисполнения обязательств одной из сторон — виновный род лишается права на дар навсегда...»

Лишается. Отец Олега не принял дар. Он нарушил. Навсегда. Значит, его род не имеет права. Я прижала ладонь к губам. Пальцы дрожали. Есть шанс. Есть. Мизерный. Маме не помог, её всё равно принудили, но огонь не пошёл. Я свернула пергамент. Сунула за пазуху.

Холодный свиток лёг на грудь, шурша ломаными краями. Я провела по нему пальцем, и подушечка занемела. Слова отнимали тепло. Края кололи кожу сквозь ткань сорочки. Острый край улики царапнул ключицу, почти незаметно, но больно, и я вспомнила, что жива. Пока. Я прижала ладонь сверху, чтобы унять дрожь, и поняла, что грамота греется от тела. Медленно, нехотя, будто живая. Тело. Я вдруг осознала его целиком. Рёбра, под которыми колотилось сердце, ключицы, прижимавшие бумагу пальцы, живот, в котором завязался холодный тугой узел. Всё это моё, и всё это может сгореть. Я прижала лист сильнее.

Мне нужен тот, кто подтвердит, что род Берских нарушил. Волхв, который видел смерть бабушкиной сестры. Или старые бояре, кто помнит тот позор. Или хотя бы тот, кто объяснит, как это правильно подать князю.

В памяти всплыл старик, который жил на окраине града. Друг рода, как говаривала бабушка. Дед Игнат. Я была у него пару раз, когда бабушка уже не могла сама ходить к нему. Кроме него мне идти больше не к кому. Пусть тогда лучше князь выберет другой род, а не Берских.

Надо ещё сходить к князю с челобитной. Не хочу к тому, кто держал руки в пепле моей матери и смотрел на меня как на вещь, которая перейдёт ему по наследству.

Я замерла. Стояла посреди комнаты, прижимая пергамент к груди, и смотрела в стену. На стене скользили тени от веток за окном. Голые, черные, дрожащие. Они медленно шевелились, будто пальцы, которые тянулись ко мне. Пальцы, у которых нет тела, и я знала, чьи они. Нужно призвать совет родов. Против Берских. Против Олега, который пятнадцать лет ждал. Который считал дни. Который смотрел на меня через пепел матери.

Он убьёт меня, если узнает. Убьёт. Беззвучное слово вскипело в голове приговором, твёрдым, как камень. Не «может убить». Убьёт.

Олег. Я помнила его обожжённые, в шрамах руки, которые дрожали над пеплом. Я помнила его слёзы, как они текли по щекам, попадали в трещины на губах. Тогда он плакал. Сейчас уже требует. Между пальцев, сжимающих подол, вниз по животу скользнула холодная тянущая мысль. Каково быть его женой? Ложиться с ним в постель, чувствовать эти шрамы на своей коже, называть мужем того, на руках кого пепел матери. Что сломалось в нём за эти пятнадцать лет? Или он всегда был таким? Я посмотрела на дверь. На засов. На темное окно затянутое слюдой, мутной, в трещинах. Они шли от центра к краям, как паутина, и в каждой дрожал отблеск серого неба. В них застряла старая, черная грязь. Смотрела и вспоминала, сколько раз пыталась её отмыть. Сколько раз сдавалась.

Он узнает. Обязательно узнает. У него везде глаза. Значит, нельзя ждать. Я подошла к окну. Прижалась лбом к холодной слюде. Дыхание оседало на пластинах мутным паром. Он расплывался, затягивал трещины белым, на секунду делал слюду прозрачной, и я видела улицу. Потом пар оседал, и улица исчезала. Оставались только трещины и грязь. На улице уже смеркалось. Осенний вечер спускался быстро, факелы у ворот еще не зажгли, внизу почти никого. Сейчас. Пока не стемнело совсем.

Накинула темный, неприметный плащ. Колючая, старая шерсть пахла молью и бабушкиным сундуком. Плащ казался тяжёлым — её памятью. В нём бабушка ходила на тот обряд. В нём она выхватила меня из рук чужого боярина. Я вдохнула знакомый запах полыни, дыма, старости. Глотнула его, как воду перед прыжком. Сунула за пазуху еще несколько родовых бумаг, так, на всякий случай. Деньги. Прицепила маленький бабкин нож на пояс. Гладкая рукоять, теплая от того, что лежала у печи, скользнула в ладонь. Нож лёг, как свой. Бабушка учила меня держать его. Не как оружие, как продолжение руки. «Пригодится», — сказала тогда. Я не спрашивала для чего.

Оглядела комнату. Кровать с мокрой сбившейся простыней. Стул с золотым гребнем. Трещина на потолке. Вернусь ли? Вопрос повис в воздухе. Я отвела глаза. Не хотела знать ответ. Или боялась, что ответа нет.

Выдохнула. Воздух вышел короткими, рваными толчками. В горле вязко пересохло, как после долгого крика, которого никто не слышал. В животе повис плотный холодный ком. Он лежал под рёбрами и не двигался. Я попробовала дышать глубже, но не помогло. Тогда я перестала пробовать. Спустилась в лавку. На пятой ступени скрип показался громче обычного. Я остановилась, прислушалась. Тишина. Только сердце в ушах.

— Агафья, — сказала негромко. — Я уйду ненадолго. За товаром новым. К вечеру вернусь.

Агафья кивнула, не отрываясь от горшков:

— Иди-иди. Запирать не буду.

— Запри. Я через черный ход.

Выскользнула во двор. Темнота. Пахнуло дымом. Запах прелой листвы заполнил ноздри. Я втянула его полной грудью, и боль в горле отступила. В конце улицы надрывно лаяли собаки, почти выли. Дальше, за забором, на главной улице, гроыхали телеги, слышно, как переключаются торговцы, сворачивая лавки, как визгливо женщина зовет загулявшего мужа, устало и привычно.

Город жил. Шумный, потный, усталый, не замечающий мою тень, скользнувшую вдоль стены. Я шла быстро, вжимаясь в стены. В городе у ворот горели факелы, гремели ставни, пели пьяные песни за поворотом. Но в переулке было тихо. Слишком тихо. И на углу, у водосточной трубы, я остановилась.

Чужая тень отделилась от стены. Она тихо перетекла из одного положения в другое, как вода, как дым, как то, что не имеет костей. Человек. Он стоял молча и смотрел в мою сторону. Темно, лица не разобрать. Но я кожей чужая его взгляд. Тяжелый. Цепкий. Как рука, опущенная на плечо. Взгляд скользнул по лицу, по шее, задержался на ключицах. Я знала, что он смотрит туда, где лежал пергамент. Не видела, но точно знала. Кожа под плащом стала горячей. Олег узнал? Уже? Я сделала шаг назад. Каблук громко стукнул о булыжник, как выстрел. Резкий звук разлетелся по переулку. Я вздрогнула от этого звука, от того, что он нарушил тишину, которую нужно хранить. Тень не двинулась. Я не видела его лица, но кожа запылала.

Сделала еще шаг назад. Потом развернулась и быстро пошла, почти бегом, в переулки, где уже меня точно не разглядеть. Юбка путалась в ногах. Плащ цеплялся за выступы бревен. Дыхание сбилось на третьем шагу. Рот открылся сам, и я ловила воздух, как рыба, выброшенная на берег. Горло драло от холода, от страха, от того, что я не могла дышать носом, потому

что носом я дышала бы слишком громко. Сердце ударило в рёбра. Раз, другой, третий. Я чувствовала каждый частый, неровный удар, как будто внутри билась птица.

Пергамент под платьем жег кожу. Края острые, как зубы, впивались в грудь. Я держалась за эту боль. Если она есть, значит, я ещё дышу. Если дышу, значит, бегу. В висках горячо застучало, толчками. Кровь поднималась от сердца к голове, как вода в переполненном сосуде. Я вжалась в стену. Брёвна казались студёными, мокрыми. Сырость просочилась сквозь плащ, сквозь платье, добралась до лопаток. Между ними застыло в ожидании удара.

Тишина в переулке стояла такая, что я слышала, как кровь течёт в ушах. Ш-ш-ш. Ш-ш-ш. Как пламя рода, тот звук, с которым рассыпалась мать. Позади, в темноте, простонала водосточная труба. Или это шаги. Или ветер. Я хотела обернуться, и шея уже начала поворот, но тело отказалось. Оно знало, что если обернусь, то увижу. Если увижу, то не смогу бежать дальше. Поэтому просто побежала вперед.

Я добралась до дома деда Игната, когда луна уже стояла высоко. Он жил у старого кладбища, в покосившейся избе, пропахшей травами и временем.

А спустя пару часов я кралась назад по тёмным улицам, и ноги гудели от щиколоток до поясицы. Ступни горели, словно по подошвам провели наждаком. В груди щемило привычное сжатие, но тише, терпимее. Сердце держалось. Я шла от деда Игната через ночной город, сжимая под платьем пергамент. Края царапали, напоминали, что у меня есть чем защищаться. Пергамент ездил по ребрам при каждом шаге. Вверх-вниз, оставляя саднящий след.

Дед Игнат долго рассматривал заручины, водил пальцем по строкам, шевелил губами. Палец у него был коричневый от табака, ноготь совсем желтый, треснувший вдоль. Потом он позвал внука. Долговязого парня с быстрыми глазами. Тот вошел, вытирая руки о передник, и от него пахло рыбой и солью.

— Сбегай в княжий архив, — велел строго дед. — Найди запись о смерти предпоследней Огнеславы. Пятьдесят лет назад. Должна быть.

— Поздно уже, закрыто все. Завтра с утра, когда писарь придет. У него ключи.

Дед Игнат тяжело выдохнул и с сожалением кивнул:

— Приходи завтра, Агнесия. К полудню. Если записи есть, то внук найдет.

Я поблагодарила и вышла в ночь. Дверь за мной закрылась с глухим стуком. Звук прошел сквозь спину, от лопаток до копчика. Сразу навалилась густая темнота, влажная, как мокрая шерсть. Завтра. Только бы дотерпеть до завтра.

Фонари горели редко. Масло нынче дорого, простым улицам не положено. Только у богатых домов чадили факелы, да из кабаков выплескивался желтый свет на бревенчатые мостовые. Я шла быстро, держась ближе к стенам. Сапоги хлюпали по грязи. Неделю лило, и улицы раскисли, как тесто. Грязь чавкала под подошвами, засасывала каблуки. Город жил ночной жизнью, равнодушный к моей беде. Только бы дойти. Только бы никто не встретился по пути. Переулок сузился. Стены подступили ближе, закрыли небо. Черные, мокрые, все в потеках смолы бревна нависали над головой. Впереди ни огонька, только кружила темень.

Я замедлила шаг. Лопатки свело, и мышцы напряглись сами, раньше, чем пришла мысль. Затылок занемел, как будто чужак приставил холодное лезвие. Волоски на руке зашевелились раньше, чем я услышала шаги. Сзади. Тяжелые. Размеренные. Шаги не прятались. Я рванула вперед бегом, но из темноты навстречу выступили двое, загородив дорогу.

— Барышня, не пугайтесь, — голос ленивый, даже скучающий. — Мы от боярина Берского. Велено доставить с почетом.

— Не пойду!

Я ударила первая, кулаком в лицо. Костяшки хрустнули, обожгло болью. Голова нападавшего дернулась назад, из разбитой губы брызнула кровь. Бинт сорвался, открывая белый шрам миру, как метку сна.

— Больно, — сказал тот без злости, вытирая разбитую губу, которая распухла на глазах. — Да вы не кричите. Все равно никто не услышит.

— Пустите!

Второй мягко, но крепко схватил за локоть, не вырваться. Пальцы сомкнулись, как замок, в тупом давлении, и предплечье онемело. Раздался хруст, но не больно, просто внутри щелкнуло.

— Карета у ворот. Там тепло, мягко. Боярин ждет. Сами пойдете?

— Нет!

Я закричала, и чужая ладонь зажала рот. Только мычание вырывалось сквозь пальцы. Вонь табака и железа мешала вдохнуть. Пергамент под платьем нагрелся еще горячее. Края впивались в грудь, как будто бумага предупреждала меня. Не молчи.

Я лягнула высокого в голень, и сапог глухо стукнул его по кости. Он охнул, выругался сквозь зубы, но хватку не ослабил. Только дернул меня сильнее, и плечо прострелило болью. Сустав с мокрым хрустом дернулся вперед. Я закусила губу, и рот мгновенно наполнился железным привкусом. И вдруг свет. Сзади, из-за поворота, выплыло маслянистое пятно. Факелы на карете. Черная, тяжелая, и пара вороных, холеных лошадей. Копыта неторопливо месили грязь. Карета остановилась в двух шагах. Лошади всхрапнули, мотнули головами. Дверца беззвучно открылась, как открывается крышка гроба. Резкий поток сухого воздуха вырвался из кареты. Внутри неё мерцала тень. Высокая, широкая в плечах. Сидела неподвижно. Смотрела. Тяжелый, цепкий, как удар под дых, взгляд скользнул по нападавшим, по мне, по моим рукам, по лицу. Замер. На мне. Я не видела его лица, но кожа запылала. Словно эта тень знала обо мне то, чего я сама о себе не знала. Нападавшие застыли. Высокий перестал дышать. Я слышала, как сиплый воздух застрял у него в горле. Явно главарь взгляделся в герб на дверце. Побелел. Даже в темноте стало видно, как отлила кровь от его лица и кожа стала серой, как зола. Дернул второго за рукав. — Это его карета, — шепнул сипло. — Уходим. Быстро.

— Но боярин велел...

— Заткнись. Уходим, пока не поздно.

И в ту же секунду они растворились. Слились с тенями, исчезли, будто их не было. Только грязь всхлипнула напоследок. Я осталась одна. Смотрела на карету. Та стояла неподвижно. Тень внутри тоже не шевелилась. Только пламя факелов дергалось на ветру, а герб на дверце то вспыхивал, то гас. Карета тронулась и поехала дальше. Медленно, тяжело, колеса скрипели по грязи, проворачивались в жиже, разбрызгивая черное. И скрылась за поворотом. Еще несколько секунд слышался стук копыт, потом и он стих.

Я стояла, хватая ртом студёный, с привкусом гнили воздух. Сердце колотилось в горле. Руки тряслись. Костяшки саднили, с них капало красным в грязь. Кто это был? Кто в карете? Я побежала, не разбирая дороги. Сапоги скользили, ветки хлестали по плащу, дышать было нечем. В груди жгло, как будто там, за ребрами, раскачивался горячий шар. Неожиданно ветка хлестнула по щеке, и струйка холодной воды потекла за шиворот, потом зашипало. Остановилась, лишь когда кончились силы. Воздух врвался в легкие рывками, горло саднило. Я согнулась пополам, уперлась ладонями в колени. Руки ходили ходуном. Ноги подкашивались.

Огляделась. Незнакомый переулок. Чужие дома. Ставни закрыты, ни огонька. Где я? Пошла наугад. Ноги сами несли, без приказа. И вдруг вышла на пустую площадь. Передо мной высился княжеский терем. Темная громада с горящими окнами. Совет магов заседал допоздна. Окна горели жёлтым, так уютно и недоступно. Теплый свет падал на мокрые камни мостовой, растекался медовыми лужицами. А у ворот, сбоку, стояла карета. Черная. Тяжелая. Та самая. Герб на дверце тускло блестел в свете факелов. Я подошла ближе. Факелы у ворот горели ярко, хотела разглядеть герб на дверце. Копье на щите. А под ним дерево с корнями, свисающими вниз, и ветвями, стремящимися вверх. Три мира воедино. Корни, ствол, крона. Я посмотрела на герб еще раз. Это не просто родовой знак. Это знак власти. Старой власти. Внутри кареты

было темно и пусто. Возница дремал на козлах, укутавшись в старый тулуп, из серой овчины. Я всё стояла, глядя на герб. Копье и дерево. От них веяло холодом, как от всего, что выше местных мелких распрей. Потом коснулась пальцами дверцы. Гладкий, как лёд, лак. Под пальцами остались разводы и грязь с моих рук отпечаталась на черном. Кто ты? И почему не вмешался? Ветер дернул подол. Холодно. Тяжёлое платье, мокрое от грязи, прилипло к ногам. Вода потекла по спине холодными ручейками. Я развернулась и пошла прочь. Быстро, почти бегом, прочь от хором, прочь от кареты, прочь от этого взгляда, который до сих пор щипал кожу. Горячо, сухо горела скула, как после ожога. Я провела рукой, но кожа обычная, не красная. Но жар сидел под кожей и не уходил.

Дома я заперла дверь на засов. Прислонилась спиной к дереву, сползла на пол. Ледяной, жёсткий пол, ни половика, ни ковра. Шершавые доски прижались к спине острыми краями. Тихо. Только кровь толкается в виски и в кончики пальцев, горячая, быстрая. Стянула плащ. Платье. Сорочку. Мокрая шерсть липла к пальцам, не хотела сниматься. Рукава выворачивались наизнанку, воротник треснул. Глянула на грудь. Туда, где под платьем лежали Заручины с Берским. На коже остался красный след. Яркий, как ожог, но не болел. Тонкая полоса под грудью, вдоль рёбер. Там, где пергамент касался кожи. След пульсировал в такт сердцу, то ярче, то бледнее. Я дотронулась. Горячо. Палец скользнул по красному следу. Гладкому, но горящему огнём.

Он просыпается. Я смотрела на отметину и не знала. Радоваться или бояться. Полоска огня медленно гасла, уходила вглубь, под ребра. Но тепло осталось. Оно тихо пульсировало в груди, ровно, как второе сердце. Я сидела на полу. В одной сорочке. С пергаментом в руке. С отметкой дара на груди. За окном ни звука. Только ветер скреб веткой по слюде. Шшш, шшш, шшш. Как дыхание. До рассвета оставалось несколько часов. Я не лягла спать. Не смогла. Села у окна ждать утра. А завтра пойду к деду Игнату узнать про архив. Мне нужны записи, которые решат, буду ли я жить или сгорю. Если суженый по заручинам не истинный и его не выберет мой огонь? Низ живота сжался сладко и тоскливо, потому что тело знало, что руки истинного будут такими, от чьего прикосновения перехватит дыхание и подогнутся колени. От этой мысли пальцы дрогнули на коленях, и я замерла, испуганная тем, как сильно хочу это узнать. Каково когда огонь не убивает тебя. Когда ты не одна в этой горящей клетке. Я ещё не поняла, кто он, истинный, но тело уже ждало. Кожа помнила тот холод, который обжёт сильнее пламени.

Я не заметила, как уснула. Просто провалилась в темноту, а очнулась уже от стука в дверь. Кулак бил часто, настойчиво, так стучат, когда за дверью не хотят ждать.

— Барышня Агнесия! — Высокий, почти визгливый голос Агафьи вторгся в комнату. — Там от князя прибыли! Велено явиться во дворец к полудню!

Я села на постели. Тафта сползла, сбилась в ногах влажным комом. Грудь саднило, и красный след огня никуда не делся, жег кожу, как напоминание. Тонкая полоска вдоль ребер стала глубже, чем вчера, и медленно краснела с каждым ударом сердца. Я прижала ладонь. Огонь под кожей разгорался. Князь зовет. Может, и челобитную примет. Или просто вызывает, чтобы оценить, как товар. Встала. Босые ступни шлепали по половицам. Подошла к рукомойнику. Плеснула студеной воды в лицо. Ручейки потекли по шее, за ворот сорочки, ледяными дорожками между грудей. Я замерла, а холод скользнул туда, где под кожей пульсировало тепло. Что скажу князю? Как объясню, что не хочу замуж за Берского? Оделась тщательно. Платье достала лучшее, темно-синее, с вышивкой, ещё бабушка шила. Ткань легла на плечи тяжело, добротное. Волосы заплела в косу, уложила короной. Пальцы путались в прядях, шпильки выскальзывали. Чтоб не как нищенка, чтоб смотрели как на равную. Я боярышня Явижская, Огнеслава Симаргла.

Пергамент с прошением сунула за пазуху, и лёг он точно поверх вчерашнего прорыва огня. Если князь откажет, то пойду к Совету Волхвов. Но сначала надо пережить эту встречу.

Княжий терем встретил холодом каменных палат. Мраморные полы, золото на стенах. Магические светильники отбрасывали ровный белый свет без копоти. Он лился с потолка сплошным неживым потоком, неуютно. Стражи в медвежьих шапках, с копьями, смотрели сквозь меня. Боярыни и боярышни шуршали шелками, стреляли глазами, шептались за спиной. Я шла по коридору и видела каждый косой взгляд, чуяла их, как иголки в спину.

— Это та самая? Явижская?

— Последняя в роду.

— Говорят, Берский ее пятнадцать лет ждал.

— Ждал бы и дальше, погляди только на неё. Болезненная, бледная. В чем только душа держится.

Я пропустила шепот мимо ушей, но кожа запомнила. Она пекла там, где их взгляды касались меня. На шее, на скулах, на ключицах. Приемная князя встретила закрытыми дверьми, резными, с позолотой. Дубовые листья и медвежьи морды на темном, отполированном сотнями ладоней дереве. Перед ними переминалась толпа просителей. Купцы, бояре, дружинники. Простые женщины с детьми. Ребенок захныкал, и мать шикнула, одергивая платок. Все ждали.

Я встала в конец очереди. Час. Два. Спина затекла, ноги гудели, в висках поселилась тупая боль. Огонь под платьем пульсирует сильнее. Пульс настойчиво отдавался глубоко внизу живота. Я сжала бедра, чтобы унять эту дрожь, но она не проходила. Дар просыпался. — Боярышня Агнесия Явижская? — вынырнул молодой печатник в длинном кафтане. Одежда висела мешком на юном тощем теле, с цыплячьей шеей.

— Князь сегодня не принимает. Оставьте прошение, передадим.

— Но меня вызывали.

— Не принимает, — отрезал он. Кадык дернулся вверх-вниз.

— Оставляйте или приходите завтра.

Я вытащила из-за пазухи свиток. Теплый пергамент, нагретый телом. Печатник взял, даже не глянув. Сунул в ворох других бумаг.

— Это все?

— Да.

Он исчез. Пятки дробно, торопливо простучали по мрамору. Я повернулась идти домой. Вдруг знать зашевелилась. Зашептались громче, заулыбались, закланялись. Расступились, как вода перед носом ладьи. По позвоночнику стекло ледяное, отрезвляющее. Из-за поворота вышел Боярин Олег Берский. Высокий, статный, в темно-зеленом кафтане, расшитом золотыми медвежьими головами. Золото вспыхивало при каждом шаге. Волосы светлые, чуть тронутые сединой на висках. Лицо гладкое, спокойное, с легкой улыбкой, которая не трогала глаз. Он шел не замедляясь, и люди кланялись, расступаясь. Он принимал это как должное, не останавливаясь. Красивый. Властный. Опасный. Я узнала его сразу, хоть и детская память сохранила иначе его лицо. Он увидел меня. На секунду задержал взгляд и свернул со своего пути. Пошел прямо ко мне. Сапоги размеренно стучали по мрамору, неотвратимо. Мелкие бояре замерли, наблюдая. Тишина повисла такая, что стало слышно, как потрескивают магические светильники. Он остановился в шаге. От него пахло хвоей и чем-то металлическим, как от оружия, которое только что наточили. Горький запах ударил в ноздри, прошел по нёбу, и острый привкус остался на языке.

— Агнесия Явижская, — сказал негромко. Не спросил, а утвердил низким, уверенным голосом, который не привык к отказам.

— Да.

— Олег Берский. — Он чуть склонил голову, не как проситель, а как равный, отдающий дань вежливости.

— Рад наконец увидеть вас не в воспоминаниях.

— Взаимно.

Слово вышло сухим, как треск. Язык прилип к небу, и я провела им по губам, облизала пересохшие трещинки. Он усмехнулся уголком губ:

— Дерзкая. Это хорошо. Роду Берских нужна сильная кровь жены.

— Я еще не жена.

— Пока. — Он смотрел в упор, без тени смущения. Глаза светлые, почти прозрачные и совершенно непроницаемые. — Но станете. Заручины заключены предками, скреплены кровью и богами. Это не прихоть и не торг. Это закон.

— Закон, который ваш род уже нарушил пятьдесят лет назад.

В его глазах мелькнуло почти уважение.

— Значит, знаете. Хорошо. Значит, не слепая.

Он сделал полшага ближе. Сапоги громко стукнули о мрамор. Я не отступила.

— Мой отец нарушил. — Он на секунду отвел взгляд, посмотрел вбок, на золотую стену. Желваки прокатились под кожей.

— Его трусость на нем.

Он помолчал, беря себя в руки. — Заручины едины, — продолжил Олег, снова глядя мне в глаза.

— Мой дед заключал их с вашим прадедом. Мой отец должен был принять, но не смог. Теперь моя очередь. Я приму. И род наш будет очищен.

— Очищен? — Я не сдержала горькой усмешки. — Ценой моей жизни?

— Силой Симаргла. — Он говорил ровно, без нажима. Голос тек, как вода, обнимающая камень.

— Я приму пламя, и вы не сгорите. Вы переродитесь из пламени. Станете моей женой, хозяйкой дома, матерью наследников. Ваш дар будет жить во мне и в наших детях. Разве это не честь?

— А если я не хочу быть женой человека, чей род убил мою мать?

Олег помолчал. В его глазах не отразилось мук вины, только спокойная уверенность. От этой уверенности нутро скрутило ледяным жгутом, каким скручивает живот перед падением.

— Я не убивал вашу мать. Мне было девятнадцать. Я желал принять огонь. И я готов. Я предлагаю вам не рабство. Я предлагаю союз.

Он протянул мне руку, раскрытой ладонью вверх. Ладонь широкая, пересеченная глубокими, тёмными линиями. Шрамы от ожогов казались белыми, стянутыми и очень старыми. Линии жизни, сердца, судьбы, всё перечеркнуто ими. Ожоги обезобразили кожу, сделали её чужой.

— Подумайте, Агнесия. У вас есть время до пира. Приходите завтра. Посмотрите на меня среди людей. Убедитесь, что я не зверь. А потом решайте. Я не буду торопить.

Моя собственная ладонь стала влажной и холодной. Я почувствовала, как пот проступает между пальцев, как они сами, без приказа, чуть разжимаются, готовясь коснуться его шрамов. Пришлось сжать их в замок за спиной так сильно, что хрустнули костяшки. Он убрал руку, поклонился еще раз и пошел дальше по коридору. Спина прямая, шаг широкий, хозяйский. Придворные снова зашевелились, заулыбались, закланялись.

Сжимая руки за спиной, я смотрела на его удаляющуюся спину. Широкие плечи, узкая талия. Под кафтаном угадывались твердые, живые мышцы. Я продолжала рассматривать его. Губы, скулы, поворот шеи. Примеряясь, смогу ли проснуться рядом, услышать его дыхание на своей коже. И в солнечном сплетении разлилась ровная, почти спокойная уверенность, что смогла бы. Не вздрагивать, не отворачиваться. Просто жить с ним рядом, делить постель, принимать его руки. И от этой мысли мне стало не страшно, а любопытно. И от этого внутри всё сжалось в тугую, болезненный узел, как будто я сделала шаг над пропастью и ещё не знаю, есть ли под ногой земля. Прижавшись спиной к стене, я чувствовала, как мрамор студит даже

сквозь платье и сорочку. Лопатки примёрзли к мрамору, а под рёбрами плавился воск. Два жара. Один мёртвый, другой живой. Они встретились в позвоночнике и не могли поделить моё тело. Сердце колотилось на подступах к горлу.

Он не знал о моей челобитной. Думает, пришла по вызову князя. Олег верит в свою правоту. Абсолютно. Как верят в зиму после осени. Но глаза у него не пустые. В них есть тяжёлое. Уверенное. Опасное. И красивое. Красивое, как клинок, который держишь и не знаешь, убьёт он тебя или защитит. И эта секунда, когда он отвел взгляд.

— Барышня Агнесия! — подскочил тот печатник. — Вам приглашение на завтрашний пир. Явиться обязательно. Князь велел.

Он сунул мне пергамент и исчез. Плотный, с княжеской печатью. Тот же красный сургуч и оттиск медвежьей лапы. Я развернула приглашение. Всё внутри кричало, что это западня, но если не пойду, то ослушание князю. Я спрятала приглашение. Дар отозвался теплом, разгораясь сильнее. Он бился в груди, в животе, в горле. Везде, где есть кровь. Жар поднялся от ребер к горлу, опалил щеки. Он чувствует. Или зовет. Или предупреждает. Я провела ладонью по лицу. Щеки горели. Глянула на руку, а пальцы дрожали, не от страха, от того, что я не хотела называть. На улице ветер ударил в лицо, выдул княжеское тепло хором. Ветер пах осенью, прелой листвой и дымом. Осень, настоящая осень, без позолоты и мишуры. Я пошла домой. Шла и чуяла его взгляд на своей спине. Даже через стены, даже через толпу в тереме, даже через расстояние, которое уже не имело значения. Он смотрел. Я знала.

Завтра пир. Сегодня мне надо к деду Игнату. Узнать, нашел ли внук записи. Если нашёл, то есть ли чем крыть. Есть ли чем ударить в ответ. Если нет, тогда придется выбирать. Сгореть или лечь в постель Берского. И кто знает, что страшнее. Или, возможно, есть третий путь, о котором я пока не знаю ничего, кроме герба на чёрной карете и взгляда, который до сих пор щупал тело.

Ветер рвал подол, путал волосы, бросал в лицо мокрые листья. Я шла, придерживая плащ у горла. Приглашение под платьем грело кожу. Сильно, почти жгло. Там, где оно касалось груди, кожа горела. Как от поцелуя. Кожа помнила это тепло отдельно от меня. Гудела и ждала, как земля ждёт удара молнии за мгновение до того, как вспыхнет небо.

Завтра всё решится.

Глава 3

Глава 3

Платье лежало на кровати, когда я вернулась от деда Игната.

Парча. Тяжелая, золотая отделка, с огненными всполохами. Языки пламени вышиты по подолу, по рукавам, по лифу. В свете свечи оно горело, переливалось, жило. Я провела ладонью по узору и пальцы скользнули по выпуклым нитями, даже почудилось, что они тёплые. От князя. Подарок.

— Красота-то какая, — ахнула Агафья, заглянув через плечо. Кончики пальцев она прижала к губам, испачкав их мукой. — В таком только на погребальный костёр.

Я молчала. Провела пальцем по ткани. Дорогая. Тяжелая. Золотая нить настоящая. Ткань жесткая гладкая, а ладонь холодила роскошная красота.

— Наденешь? — спросила Агафья.

— Конечно. Не могу же я князя послушаться.

Я надела. Скользящая, как вода ткань легла на плечи. Парча холодом коснулась груди с жёсткостью и требованием. Вырез прикрыл красный след на груди, прижался к нему, и огонь под кожей дернулся от узнавания. Потом тело согрело и наряд стал своим.

Платье село идеально, будто и шили на меня. Плотно облегалo грудь, струилось по бедрам, шуршало при каждом шаге. Руки, обмотанные чистыми бинтами, спрятались в широких рукавах. Огонь под платьем отзывался на тяжесть ткани. Агафья всплеснула руками:

— Богиня! Истинная богиня!

Я усмехнулась и усмешка вышла кривой, одной половиной рта. Богини не горят заживо в чужих руках.

За мной прислали карету. Княжескую, с гербом на дверце, сокол, держащий молнию. Серебро герба блестело в сумерках. Внутри сидел молодой мужчина. Чуть старше меня, в щегольском кафтане, с хитрыми глазами.

— Племянник князя, Добрыня, — представился он, когда я села. — Дядька велел сопроводят сегодня. Чтоб не заблудились и не украли вас раньше времени.

— Украли?

— Шучу. — Он улыбнулся широко, но глаза остались оценивающими. — Но приглядывать велено строго. Вы ж невеста Берского, товар редкий.

Взгляд Добрыни на секунду дольше, чем следовало задержался на вырезе платья. Его глаза ползи по мне как мухи по коже. Я молча отодвинулась к стенке кареты. Добрыня всю дорогу болтал о пустяках. О собаках, о соколиной охоте. Слова сыпались горохом, не задевая. Я кивала, но не слышала. Прощение у князя. Теперь только ждать.

Княжеская усадьба сияла. Тысячи свечей, магические огни, золото на стенах, золото на гостях. Пахло вкусно. Яблоками, корицей, дорогими духами. Ароматы плыли слоями. Внизу тяжелый дух воска и жареного мяса, выше поднимались сладкие духи, под потолком висел дым факелов. Музыканты в углу выводили тягучую, торжественную мелодию, и она стелилась по полу, путаясь в ногах. Столы ломились от яств. Жареные лебеди, молочные поросята, пирожки, блины, бочонки с медом, квас и горы фруктов.

У входа в пиршественную залу глашатай ударил посохом. Глухой, тяжелый стук прокатился под сводами.

— Боярышня Агнесия Явижская! — прокричал он. — В сопровождении боярина Добрыни Всеславича!

Придворные обернулись. Шепот прошелестел по залу, как ветер по сухой листве. Я шла вперед, чувствуя каждый взгляд, каждый шепоток брошенный в спину. Под ложечкой туго

сжалось, как узел, который затягивают медленно, с передышкой. Парча давила на плечи, а излишество золота жгло кожу.

Добрыня вел меня под руку, улыбался направо и налево, кивал знакомым. Ладонь у него была сухая, жаркая, чуть влажная от волнения. Подвел к столу, где уже сидел Олег. Берский поднялся. Улыбнулся тепло, будто мы старые друзья.

— Добрыня, спасибо. Дальше я сам пригляжу за невестой.

Княжий племянник подмигнул мне исчезая в толпе. Кафтан его мелькнул и пропал, будто не было. Я осталась с Олегом. Он пододвинул мое кресло к себе. Ближе, чем позволяли приличия. Каждый раз, когда он дышал, теплый воздух касался моей руки, тяжелый, с запахом хвои.

— Вы сегодня прекрасны, — сказал негромко. — Платье вам к лицу.

— Это подарок Князя.

— Ну, наш Князь знает толк в подарках. — Он пододвинул блюдо с фруктами. Серебряное резное, оно скользнуло по скатерти с тихим звоном.

— Отведайте вот эту диковинку. Виноград из южных земель, редкость.

Я взяла ягоду, просто чтобы не спорить. Виноград оказался на диво сладкий, почти приторный. Густой сок брызнул на язык, теплый, как сироп. Он потек по подбородку, я сразу слизнула языком, быстро, не думая. Олег смотрел на мой язык. Один миг и он взгляд отвел, но я успела заметить.

Берский сидел слишком близко. Слишком уверенно. Бедро почти касалось моего под столом. Тепло его тела сочилось через ткань платья. Далекое, но явное.

— Не бойтесь, — сказал тихо. — Я не кусаюсь. Пока.

Я дернулась. Плечо ушло в сторону и он усмехнулся:

— Шучу. Расслабьтесь. Сегодня праздник. Князь объявил перемирие на границе, три дня никто не воюет. Можно выдохнуть.

Я и выдохнула. Звук вышел длинным, прерывистым словно не дышала очень долго. Огонь под кожей дрогнул, притих.

Вокруг нас закипала жизнь пира. К столу то и дело подходили люди, то члены Совета Волхвов, то знатные бояре, или их жены. Олег представлял меня как невесту, я кивала, улыбалась, чувствуя себя куклой. Уголки губ застыли в вежливом изгибе.

— Ах, какое платье! — всплеснула руками дородная боярыня закутанная в синий шелк. Щеки у нее были красные, лоснились то ли от жары, то ли от выпитого.

— Золото, настоящее золото! Вы, боярышня, прямо как жар-птица.

— Благодарю, — ответила я.

— И как вам жених? — зашептала она, наклоняясь ближе. Из рта пахнуло сладким вином и жареным луком. — Хорош, а? Все девушки завидуют.

— Мы еще не успели познакомиться, — ответила я отводя глаза.

— Познакомитесь, познакомитесь, — энергично закивала боярыня и все её подбородки заколыхались. — Главное, чтобы детки пошли. А то род-то угасает, ох угасает.

Она отошла, унося с собой запах духов и сплетен. К нам подошли еще двое. Пожилой боярин с длинной седой бородой и молодой мужчина в воинском кафтане. Кафтан был потерт на плечах, похоже на след от кольчуги. Они заговорили с Олегом о войне, о Спорных землях, о том, что силы нужны.

— Если б еще один сильный род подключился, — говорил воин. Пальцы нервно, быстро крутили ус. — А то наши маги выдыхаются. Третью седмицу без отдыха.

Олег кивнул, бросив на меня короткий взгляд:

— Скоро будет вам подкрепление. Огонь древнего рода.

Мужчины посмотрели на меня с новым интересом. Взгляды скользнули по платью, по груди, по лицу. И отметина под платьем вспыхнула. От стыда, да от гнева. Я отвернулась. Щеки зарделись. К нам приблизился суровый старик в длинной темной мантии.. Я узнала Великий

Волхва. Помнила его лицо с тяжелыми веками, руки испещренные старческими пятнами. Они были коричневые, как прошлогодние листья.

— Боярышня Агнесия, — сказал он негромко, протягивая ладонь. — Позвольте поздравить с помолвкой.

Я машинально подала руку. Его сухие, жёсткие, неожиданно крепкие для старика пальцы сжали мои. А мои, мои наверное, казались ему ледяными. Станный жар, пробежал от его ладони к моей, к запястью, потом выше. Чужое тепло скользнуло под кожу, пробежало по венам, добралось до следа от прорывающегося дара. И там, где оно встретилось с моим, огонь коротко и яростно рванулся.

— Благодарю, — выдавила я.

Он кивнул, отпустил и отошел. Но перед этим я заметила, как его брови дрогнули, а губы чуть шевельнулись, будто он шептал призыв или заговор. Что это было? Я сжала руку в кулак, а то место, где он прикоснулся, ещё горело. Его жар смешался с моим, и я не могла понять, где чей. Я не успела подумать, когда глашатай снова ударил посохом.

— Воевода Ярин Ясень!

Гости зашевелились. Я подняла глаза. В зал входил темноволосый мужчина. Высокий, широкоплечий, в сером кафтане без вышивки, только на поясе висел тяжелый кинжал в ножнах с черным, матовым камнем, не драгоценный, а знак воинской доблести. Лицо резкое, скуластое, глаза светлые, холодные. Он шел не спеша, не глядя по сторонам. Сапоги размеренно стучали по мрамору, как шаги караульного.

И в ту секунду, когда он вошел, огонь под платьем вспыхнул. Ярко, остро, как удар. Жар дёрнулся, но не от страха или гнева. Он рванулся к нему. К незнакомцу в сером. Я заметила, как дернулся Олег, не ужели почуял. Он чуть скривился, будто от кислого. Сжал пальцы на кубке до скрипа. Костяшки побелели.

— Ясень, — процедил он сквозь зубы. — Вечно с границы лезет, покоя нет.

Я глядела на вошедшего. Он прошел к своему месту, через два стола от князя. Сел, уставился в тарелку. Движения скупые, точные. Ни одного лишнего жеста. Я поймала себя на рассматривании его руки. Широкие ладони, с длинными пальцами, без колец. Руки воина. Руки мага. Руки, которые сегодня коснутся моего запястья. Почему-то я точно это знала.

Князь встал с места. Поднял кубок, и зал притих. Тишина легла мгновенно, как обрезают.

— Дорогие гости! — усталый, но твердый голос князя, разнесся под сводами. — Сегодня мы празднуем перемирие на границе. Три дня без крови, без смерти. Три дня, чтобы вспомнить, что мы все один народ на одной земле.

Он обвел взглядом зал. Под глазами у него залегли темные мешки. Глубокие, как синяки.

— Война тяжела. Мы теряем лучших. Маги выдыхаются, силы родов угасают. Но мы держимся. И будем держаться. А пока, гости дорогие пейте, ешьте, радуйтесь. За победу!

— За победу! — грянуло в ответ. Крик ударил в своды, зазвенел в кубках.

Все выпили. Я тоже пригубила кубок с легким вином, которое почти не пьянило. Вино пахло яблоками и чуть-чуть корицей.

Из-за стола напротив поднялся воевода Ярин. Его голос прозвучал негромко, но в наступившей тишине его услышали многие.

— Княже, позволишь слово?

Князь устало кивнул. Яр говорил, глядя прямо перед собой, но он говорил для всех, для тех, кто должен услышать правду.

— Перемирие, это хорошо. Но за ним снова будет война. Мои люди на границе держатся из последних сил. У нас уже нет резервов. Нет магов, способных подменить выгоревших. Если в ближайшее время не появится новая сила, то мы не удержим Спорные земли.

Он замолчал. Тишина стояла такая, что слышно стало, как потрескивают свечи. И как скрипит кожа на перчатках Олега, когда он сжимает и разжимает кулаки.

— Я не прошу чуда. Я прошу помощи. Те роды, что еще могут дать магов. Дайте. Иначе через месяц нам придется отступить.

Повисла вязкая тишина. Ярин сел так же скупно, как делал всё остальное. Без лишних движений. Я видела его неподвижные, спокойные руки, лежащие на столе, невозмутимое, как маска лицо. И внутри меня в ответ на каждое его слово бился огонь. Князь нахмурился, но ничего не сказал. Олег скривился еще сильнее. Ноздри раздулись.

— Паникер, — шепнул он мне. — Вечно он со своим пессимизмом. На самом деле силы есть.

Я промолчала. Олег дышал тяжело, его бедро почти касалось моего, и я чувала, как напряглись его мышцы, как сжалась челюсть. Князь поднялся снова, объявил тост за здоровье княгини, потом за победу. Пир набирал обороты. Музыка заиграла громче, гости задвигались, начались церемонные напыщенные танцы. Пары закружились по залу. Шелк, бархат, мелькание драгоценностей.

Олег отвлекся на разговор с соседом. Я осталась одна, если не считать слуг, сновавших мимо. Челядь скользила бесшумно, как серые тени только с подносами.

Ко мне подошла девушка, моих лет, в голубом платье, с живыми глазами.

— Вы Агнесия? — спросила она. — Я Злата, дочка боярина Крутояра. Можно рядом присесть?

— Конечно.

Она села и затараторила. Слова посыпались горохом, быстро, весело, без пауз.

— Какое платье! Вам очень идет. А я слышала, вы цветами занимаетесь? Это правда?

— Правда.

— Ой, как интересно! А я вот только вышиваю, скука смертная. А говорят, вы невеста Берского? Он такой красивый! Вы счастливы?

Я не знала, что ответить. Злата не ждала ответа, она сама говорила без умолку, перескакивая с темы на тему. Я слушала вполуха, но ее болтовня отвлекала от тяжелых мыслей, как воробьиный щебет за окном.

К нам подошли еще две девушки, тоже из знатных родов. Они обсуждали наряды, женихов, последние сплетни. Я кивала, вставляла редкие слова, но краем глаза следила за залом. За тем, как ест Ярин. За тем, как Олег косится на него.

Воевода сидел неподвижно, почти не пил. Только иногда поднимал глаза. И тогда смотрел в мою сторону. Не на Олега, на меня. И каждый раз, когда его взгляд касался моего лица, огонь шевелился в груди, коротко, жарко, как уголёк, на который дунули. Я тоже рассматривала его украдкой. Под кафтаном угадывалась сила, и мне нравилось, как он смотрит, в самую суть. Пальцы сами сжали подол, и я поймала себя на мысли. А что, если?

Князь с княгиней поднялись, и все затихли. Они поблагодарили гостей и удалились. Усталая и бледная княгиня опиралась на руку мужа. С их уходом пир стал свободнее. Музыка полилась громче, смех стал развязнее. Олег повернулся ко мне:

— Ну что, выпьем за наше будущее?

— Я не пью много.

— Всего одну чарку. Мед, легкий, сладкий. Вам понравится.

Он махнул слуге. Тот мгновенно возник рядом с подносом, на котором стояла небольшая серебряная чарка, украшенная узорами. Те вились по краю. Змеи, кусающие собственные хвосты.

— Для барышни, — велел Олег.

Слуга поставил чарку передо мной. Медпряно пах травами. Густой запах, сладкий до тошноты. Я взяла в руки, чарка оказалась теплой и приятной. Серебро нагрелось от чьих-то пальцев, но слишком тёплой для простого мёда. Я поднесла её к губам и край серебра коснулся нижней губы.

И в этот момент барин напротив резко двинулся. Ярин локтем задел свой кубок, тот опрокинулся, и красная струя хлынула через стол прямо на меня. Липкое вино залило мне рукав, подол, грудь. Парча намочла мгновенно, а золото стало бурым. Вино стекало по груди густое, как кровь. Я опустила глаза. Тёмное пятно расплзлось по золоту, подбираясь к соску, обрисовывая его.

— Ах! — я вскочила, отряхивая платье. Парча темнела, впитывая вино. Капли падали на пол, расплывались лужицами.

Я стояла, прижимая руки к груди. Олег дёрнулся, и его пальцы сжали мой локоть так, что я услышала хруст. Он сжал кулак до хруста. Челюсть скрипнула так, что желваки проступили под кожей. Но тут же разгладились. Ярин поднялся. Подошел. Лицо невозмутимое.

— Прошу прощения, барышня, — голос низкий, ровный. — Неловко вышло. Позвольте помочь.

Он протянул руку. Я машинально подала свою, и он помог мне выйти из-за стола, и в этот миг его пальцы сомкнулись на моем запястье. Холод. Резкий, обжигающий, как удар. Он впился под кожу, сразу, без перехода, как игла. Пробежал от запястья вверх по руке, к плечу, к груди. Туда где пульсировала красная отметина дара, и встретился с моим огнем. Столкнулись две стихии, и на секунду всё внутри замерло. Холод привыкал к жару. Они не боролись. Они узнали друг друга. Встретились, коснулись, замерли. И в этом знакомстве было что-то древнее, что-то большее, чем я. На секунду потемнело в глазах. Я покачнулась. Он поддержал. Его рука крепко сжалась на локте. Пальцы, как железные оковы, не вырваться. И в то же мгновение, склонившись к моему уху, шепнул:

— Мед отравлен. Я нейтрализовал. Молчите.

Его губы почти коснулись уха. Я ощутила тепло дыхания, короткое, прерывистое. И холод пальцев на запястье. От контраста закружилась голова. Кожа под его пальцами горела. Прикосновение этого чужого мужчины было острее, чем все слова Олега. Я замерла. Дыхание остановилось. Я хотела, чтобы он не отпускал. Хотела, чтобы его пальцы сжались дальше, больше, сильнее, до синяков, до чего угодно, лишь бы не отпускал.

Олег дёрнулся, прежде чем Ярин успел отстраниться. В его глазах мелькнул гнев. Он схватил меня за локоть, рывком потянул к себе, будто ставил метку. Пальцы впились в кожу там, где только что лежала чужая ладонь. Олег оттеснил Яра, почти оттолкнул. Они сцепились плечо в плечо, как два быка перед схваткой.

— Благодарю, воевода, — прорычал Олег холодным голосом. — Дальше я сам. Невесте дурно, я провожу её.

Он говорил ровно, но жилка на шее билась чаще. И плечо, которым он заслонял меня от Яра, напряглось, как у пса, который показывает зубы. Ярин отступил. Ни слова не сказал, только коротко глянул на меня, предупреждающе. Взгляд скользнул по лицу, задержался на губах и сказал больше слов. Помни.

Олег крепко, держал собственнически. Взял под руку и повел прочь от стола. Его пальцы впились в локоть, сжались с ненавистью, с желанием стереть чужой след.

— Вы бледны, — сказал негромко, пока мы шли между столами. — Переволновались. Сейчас на дворе, воздух поможет.

Мы вышли в коридор. Здесь оказалось тихо и свежо. Сквозняк дул из щелей, шевелил волосы на затылке. Олег остановился, развернул меня к себе.

— Что случилось? Вам правда дурно?

— Голова закружилась. — Я старалась говорить ровно. — Вино, наверное, крепкое.

Олег всмотрелся в мое лицо. Свет факелов падал на него, делая глаза темными.

— Этот Ясень, — начал он. — Дерзкий выскочка. Пролил на вас вино, как мальчишка. Я прослежу, чтобы он извинился.

— Не стоит. Он нечаянно.

— Нечаянно? — Олег усмехнулся. Усмешка вышла злая, с оскалом. — Боевые маги не бывают нечаянными. Они все просчитывают. Но вам не о чем волноваться. Я рядом.

Он шагнул ближе. Его тяжелая, жаркая рука легла мне на плечо. Широкая, со шрамами ладонь прижалась так, будто ставила клеймо прожигая ткань.

— Вы моя невеста, Агнесия. Я не позволю, чтобы какой-то вояка нарушал приличия. Я буду беречь вашу честь.

Он взял меня под руку, и я почувствовала, как его пальцы сжались чуть сильнее, когда он коснулся того места, где только что лежала рука Яра. Давил сильно, будто стирал чужой след. Я глянула на своё запястье. Там ещё горело холодное прикосновение Яра, а рядом жгло под пальцами Олега. Как два следа, две метки, две стихии. И я между ними.

— Благодарю, — выдавила я. Слово вышло сухим, как бумага.

— Пойдемте. Добрыня ждет в карете. Я провожу.

Он повел меня к выходу. В конце коридора я оглянулась. Воевода Ярин стоял в дверях пиршественной залы, смотрел вслед. Лицо спокойное, но глаза. В глазах горело то, от чего внутри похолодело.

Я смотрела на него, и след дара под платьем бился. Сильно, глубоко, в такт его дыханию, которое я не могла слышать, но чувала кожей. Он стоял неподвижно, руки опущены, но кулаки сжал.

Мы вышли на улицу. Карета ждала у крыльца. Лошади всхрапнули, пар вырвался из ноздрей. Добрыня ждал внутри, но когда я села, встрепенулся:

— Жива? А Берский сказал, тебе дурно стало?

— Устала.

— Ну и ладно. Поехали.

Карета тронулась. Колеса зашкряпали по булыжнику. Я смотрела в окно на уплывающий терем, на золотые огни, которые дрожали в лужах. На груди, под платьем, пылал жар. Я прижала ладонь, он требовал ответа. Кто-то хотел меня отравить. Или подчинить. Яд или приворот? Что хуже? Ярин спас. Олег вывел. Олег может и не знал про яд. Иначе не был бы так спокоен. Но кто тогда? И зачем Яру спасать меня? Жар поднялся от ребер к горлу, опалил ладонь. Огонь откликнулся на холод. На опасность. На него. На Ярина. Кто бы он ни был.

Его прикосновение заморозило мою кровь, но зажгло под кожей то, чего я не знала раньше. Он велел молчать, и я молчала. Он не потребовал ничего, и забрал всё.

Карета качнулась на ухабе. Добрыня дремал, уронив голову на грудь. За окном проплывали темные дома, редкие фонари, мокрые крыши. Я сидела, прижимая ладонь к груди, и слушала, как изнутри прорывается дар. Пульсирует в такт мыслям о нём. О Яре. О том, чьё имя я узнала только сегодня, но чьё прикосновение запомнила навсегда. Почему оно заставило огонь замереть и разгореться с новой силой.

Я не помнила, как добралась до постели. Просто провалилась в темноту, а очнулась от того, что не могла дышать. Воздух кончился. Я сидела на постели, хватая ртом пустоту, и казалось, что кто-то невидимый душит меня, сжимает горло ледяными пальцами. Гортань дергалась впустую. Ни вдоха, ни выдоха, только паника, нарастающая толчками. Под ребрами жгло так будто он развел там угли и ждал, когда прогорят. Сердце глухо колотилось в ушах, быстро, отчаянно. Опять. Опять начинается. Я протянула руки к лицу и замерла. На запястьях, там, где вчера еще были только старые белые шрамы, проступили новые. Тонкие, красные, как ожоги от нитки, которую протянули слишком сильно. Кожа вспухла, натянулась, заблестела в сером утреннем свете. Красные линии легли точно на вены. Они горели, бились в такт сердцу. Кожа

вокруг них была горячей и сухой, как пергамент, который вот-вот вспыхнет. Я боялась, что если проведу пальцем, он останется без кожи.

Я вскочила, подбежала к рукомойнику. Босые ступни зашлепали по половицам. Плеснула водой в лицо. Вода потекла по шее, за ворот сорочки, ледяными ручейками скользнула под ткань. Попала на красные полосы на запястьях, и зашипела. Я коротко вскрикнула от боли, по-звериному. Подняла глаза на мутный осколок, и отшатнулась. Плечи ударились о стену. Глаза. Они стали красными. Не воспаленными, именно красными, как у тех, в ком просыпается огонь. Радужка горела. Алая, с золотыми прожилками. Огонь Симаргла зажигал меня изнутри. Бабушка рассказывала: «Когда дар подходит близко, глаза горят. Это кровь рода закипает».

В дверь застучали. Кулак бил часто, тревожно.

— Боярышня Агнесия! — голос Агафы. Высокий, почти визгливый. — Там опять от князя! Велят явиться! На совет магов!

Я зажмурилась. Открыла глаза глянула. Глаза всё такие же красные. Золотые прожилки стали ярче. Идти такой? Все увидят. Поймут. Но если не пойду, хуже. Ослушание.

Я натянула платье, стараясь не смотреть на руки. Пальцы дрожали, путались в завязках. Кончики их горели, будто я держала их над свечой. Чистые, плотные бинты спрятали новые ожоги. Ткань больно касалась горячей кожи. Я шипела, затягивая их туго. Волосы распустила, чтобы закрыть лицо. Потупила взгляд, авось не заметят. Пряди пахли осенью. Дымом.

Карета ждала у крыльца. Лошади всхрапнули, пар вырвался из ноздрей. Утро выдалось холодное. Всю дорогу я сжимала в кулаке подол и пыталась не думать о том, что сейчас будет. Ткань тревожно шелестела под пальцами.

Зал совета встретил сумраком и холодом. Длинный стол, чужие суровые лица. Свечи горели неровно. Пламя дергалось от сквозняка. Когда я вошла, ближайшая ко мне свеча вспыхнула ярче. Пламя кольхнулось в мою сторону, как будто тянулось к родному огню. Я отвернулась. Князь сидел во главе стола. Плечи устало опущены. Под глазами темные круги. Олег откинулся на спинку кресла, он сидел по правую руку князя, и сегодня не улыбался. Выглядел напряженным, как сжатая пружина, пальцы барабанили по столу, выбивая быструю, нервную дробь.

Дальше за столом сидел Великий Волхв, который щупал мой дар на пиру. Потом еще несколько бояр. Бороды длинные, плечи широкие, тяжелые перстни на пальцах. И в конце стола, я заметила Ярина, в тени, с непроницаемым лицом.

Когда я вошла, он поднял голову. Свет от свечей упал на его резкое, скуластое, с глубокими тенями под глазами лицо. И я увидела, как его зрачки расширились при виде меня.

— Боярышня Агнесия Явижская, — объявил писарь. Голос у него оказался тонкий, как птичий.

Князь кивнул, указал на стул. Я села, стараясь держать руки под столом. Пальцы сцепила в замок. Бинты шуршали друг о друга. Под ними горели красные полосы. С каждым прикосновением боль вспыхивала острее. Глаза я старалась прятать, смотрела вниз.

— Мы собрались, чтобы решить дело о заручинах, — начал князь. — Род Берских требует исполнения договора пятидесятилетней давности. Невеста достигла совершеннолетия.

Я подняла голову:

— Княже, я подала прошение. Эти заручины недействительны, потому что пятьдесят лет назад их род.

Князь поднял руку, останавливая меня. Ладонь была широкая, в старческих пятнах. Кивнул Олегу. Берский встал. Стул отъехал назад с глухим скрежетом. Голос его звучал резко, жестко, без обычной сладости:

— Заручины заключены моим дедом и прадедом этой девицы. Один договор на все поколения. В нем сказано: род Явижских обязуется передать огонь Симаргла роду Берских в момент активации. Род Берских обязуется принять огонь взяв в жены девицу. Срок исполнения не

ограничен. Договор действует, пока не будет исполнен. Мой отец струсил. Это его позор. Но я, не отец. Я готов принять огонь. Твой огонь Агнесия мой по праву.

У меня внутри всё обмерло. Холод поднялся от живота к горлу, сжал гортань изнутри, как будто там, под кожей, его ладонь сомкнулась, перекрыла воздух. Князь нахмурился, потер переносицу. Пальцы у него были желтые от табака.

— Великий Волхв, что скажешь? Есть ли в ней огонь?

Волхв поднялся. Подошел. Я протянула руку, стараясь, чтобы бинты не сползли. Он сжал мои пальцы. И снова меня коснулся его жар, только теперь сильнее. Чужой жар вползал под кожу, прошупывал, искал. Его пальцы были сухие, твёрдые, с длинными ногтями, которые царапали кожу.

В голове вспыхнуло. Мама. Белое платье, свет бился из-под кожи, крик. И губы шептали «Не бойся... твой истинный... тот, кто сгорит с тобой...»

— Агнесия! — голос волхва вырвал из видения.

Я моргнула. Глаза защипало.

— Искра есть, — сказал он князю. — Слабая, едва теплится. Но есть. Дар спит глубоко, почти погас. Разбудить его можно только по доброй воле девицы. Принуждение убьет искру навсегда.

Князь нахмурился:

— Значит, если она не захочет огня не будет?

— Не будет.

Олег дернулся. Кулаки ударили по столу, и свечи качнулись.

— Но проклятие! Мой род.

— Проклятие снимется, только если огонь отдадут добровольно, — оборвал волхв. — Иначе сгорит и она, и огонь.

В зале повисла тишина. Густая, вязкая, как мед на морозе. В этот момент из тени поднялся Ярин. Голос спокойный, ровный:

— Княже, позволь слово.

Князь кивнул и Яр вышел в центр. Половицы скрипнули под его весом. Он шёл, и воздух между нами нагревался.

— Мы на пороге войны. Каждый маг на счету. Здесь у нас последняя Огнеслава, с единственным шансом раздуть огонь Симаргла. Если мы ошибемся, если допустим принуждение. Её огонь погаснет навсегда. Род Явижских прервется. И мы потеряем силу, которая могла бы спасти тысячи жизней на границе.

Олег вскочил:

— Ты смеешь попрекать меня? Мой род имеет право! Это наш огонь по крови!

— По крови. Да, — Яр не повышал голоса. — Но огонь не терпит насилия. Твой отец уже ошибся. Еще одна ошибка. И всё кончено.

Он повернулся к князю:

— Давайте проверим. Дайте мне неделю. Я возьму боярышню под опеку, и мы попробуем разбудить дар по доброй воле. Без давления. Без принуждения. Просто дадим ей время и покой.

Олег сжал кулаки. Костяшки побелели, кожа натянулась.

— А если не разбудится?

— Тогда пригласим Великого Волхва. Пусть он попробует еще неделю. Если и за две недели искра не разгорится, значит, дар мертв. Я верну невесту жениху. И не буду требовать огня для войны.

— Две недели?! Я ждал пятнадцать лет!

— Подождешь еще две, — отрезал воевода. — Если огонь проснётся, тогда соберем новый совет и решим его судьбу. Если нет, то получишь невесту назад. Но если мы сейчас, сгоряча, заставим её. Огонь погаснет. И ты останешься ни с чем.

Олег побелел от ярости. Краска отлила от лица и кожа стала серой, как пепел. Повернулся к волхву:

— Ты можешь разбудить огонь быстро?

Волхв покачал головой:

— Не могу. Только если сама захочет.

— А если она не захочет?

— Тогда огня не будет.

Олег заскрипел зубами. Звук вышел тихий, но в тишине зала его услышали все. Сел. Взгляд его стал тяжелым, задумчивым и опасным. Глаза ушли вглубь, зрачки сузились.

Князь обвел взглядом присутствующих:

— Кто за предложение воеводы?

Волхв поднял руку, и его сухая, коричневая кисть взлетела вверх. Еще два боярина. Ярин Ясень стоял, глядя на князя. Князь помолчал. Потом кивнул:

— Быть по сему. Боярышня Агнесия Явижская переходит под опеку воеводы Ярина Ясеня для пробуждения дара сроком на семь дней. По истечении срока, если дар не проснётся, начнёт будить дар Великий Волхв, на это еще семь дней. После решение об огне Симаргла принимает совет.

Он ударил ладонью по столу:

— Решено.

Олег вскочил:

— Я протестую! Это мое право! Только я должен принять огонь! Только мой род имеет на это право!

Князь поднял руку:

— Протест принят. Но решение остаётся за советом. Заседание окончено.

Он вышел. Сапоги гулко простучали по мрамору. Олег стоял, сжимая кулаки. Потом медленно повернулся ко мне. Улыбнулся. Улыбка показалась страшной, неживой. Губы растянулись, обнажая зубы, а глаза остались мертвыми.

— До встречи, Агнесия. Через две недели ты вернешься ко мне. И мы всё решим.

Он скоро вышел. Дверь за ним закрылась с глухим стуком. Ясень подошел ко мне. Протянул руку:

— Пойдемте. Вы теперь под моей защитой.

Я взяла его руку. Мозолистую, твердую. Его пальцы сомкнулись на моей ладони, как ледяные тиски, но моя ладонь горела. Лёд и жар встретились. Не боролись. Сплелись. И в этот момент дар в груди забился сильнее. Огонь откликнулся. На него. На Ярина.

Мы вышли из зала. Воевода вел меня по коридору, не отпуская руки. Шаги его были длиннее моих, и мне приходилось почти бежать. Тепло перетекало от меня к нему, через ладони, через запястья, через место, где наши руки соприкасались. Он не отдёргивал.

— Вы в порядке? — спросил коротко.

— Нет.

— Я заметил. Ваши глаза, они красные. Дар просыпается.

Я промолчала. Подняла рукав, показала свежие ожоги на запястьях. Бинт сполз, открывая красные полосы. Яркие, пульсирующие.

— Это тоже.

Он посмотрел. Кивнул. Лицо не изменилось. Только желваки прокатились под скулами. Прокатились и замерли.

— Будет больно. Первое время, всегда больно. Но это значит, что огонь жив.

— Или что я скоро сгорю.

Он остановился. Повернулся ко мне. Свет факела упал на его лицо. Щетина на подбородке и скулах пробивалась тёмной жёсткой щёткой, и вдруг мне захотелось узнать, каково

это провести по ней кончиками пальцев, понять колючее тепло живой кожи. Я сжала кулак, пряча руки.

— Не сгорите. Я не дам.

— Почему? — спросила я. — Вы хотите моего огня для войны. Это та же корысть, что у Олега.

— Нет. — Он покачал головой. — Я хочу, чтобы вы жили. Потому что живая Огнеслава может дать силу. Мертвая бесполезна, один только пепел. И потому что, — он запнулся. Кадык дернулся вверх-вниз. — Потому что я видел, как горят. Это страшно.

Я смотрела на него. Холодный. Расчетливый. Но в глазах отражалась живая душа. Он прятал её глубоко, но сейчас она выглянула, всего на секунду, и я увидела его боль. Старую, затянутую, как шрам. Он видел смерть от огня, и боялся. Не за себя. За меня.

— Идемте, — сказал он. — Вам нужно отдохнуть. Завтра начнем.

Мы вышли во двор. Карета Ясеня ждала нас. Чёрная, тяжёлая, со знакомым гербом. Копьё на щите и дерево с корнями.

— Садитесь, — Яр открыл дверцу. Беззвучно смазанные петли не скрипнули.

Я села, а он откинулся на спинку напротив. Наши колени оказались рядом в тесном пространстве. Почти касались, через ткань платья и его штанов. Между нами легло расстояние в ладонь, но воздух заискрился.

Карета тронулась. Я смотрела в окно на уплывающий терем и думала про две недели. У меня есть две недели, чтобы решить, проснется ли огонь. И кому его отдать. За окном мелькали мокрые крыши, темные дома, редкие фонари. Я украдкой смотрела на его профиль, на твёрдую линию скулы, на то, как свет факелов с улицы скользит по его волосам. Он не смотрел на меня. Он смотрел прямо перед собой, но его плечо не отодвинулось ни на миг. И это молчаливое, каменное присутствие пугало меня меньше, чем все пылкие слова Олега. Карета качнулась на ухабе и плечо Яра коснулось моего холодом через ткань кафтана. Я не отодвинулась, как и он. Так мы и сидели. Плечо к плечу, стужа к жару.

Красный след на груди горел жарко и настойчиво, как предупреждение. Или обещание?